

Офицер
Батонни

Александр
Атмисов

Александр Атмисов
Офицер Батонни:
НЕВИНОВНЫХ НЕТ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70256533

SelfPub; 2024

Аннотация

В этом черствеющем мире каждый хлеб достоин справедливости! Детективная история.

Александр Атмисов

Офицер Батонни:

НЕВИНОВНЫХ НЕТ

– Оплюшиться можно! Ты посмотри, как разрезана булочка, тут явно работал профессионал.

– Тут работал маньяк, – поправил напарника Батонни, закуривая соломинку. Лежащая перед ними разрезанная булочка уже начала засыхать, значит, преступление совершено часа три-четыре назад. «По горячим следам не найдём», – подумал Батонни и, сделав необходимые фотографии, оставил напарника ждать судмедэкспертов, а сам поспешил в любимый бар.

Вечерело. Солнце уже спешило скрыться за стройными рядами шкафов. Лишь закат объединял все полки этого города. И запершихся за дверцами богачей, и подсыхающих на нижних полках бедняков. Как назло, на Батонни заныл укус крысы, последнее ранение на той ужасной войне.

Бармен сделал двойной пшик с бренди на Батонни и тот, наконец, расслабился. Посидеть в баре – не проступок для полицейского после смены, но важно не перейти грань и остаться в рамках приличия в любом случае. Офицер огляделся: сегодня было крайне малохлебно, да и бар – не то ме-

сто, где могут встретить зожники-хлебцы или следящие за собой тосты. Из посетителей: пара ромовых баб, приторно громко смеявшихся и пытающихся перепить кусок коньячного торта. Батонни был корочно знаком с этим куском и усмехнулся. У ромовых не было никаких шансов.

– Вам записка, – бармен протянул салфетку со словами «Поднимись ко мне. К.». Лишь одна его знакомая использовала сердечки вместо буквы «о», Кокетливая Кекси. У дверей её комнаты на втором этаже он оказался через пару минут.

Одному Пекарю известно, сколько месяцев, а может, и лет, Кокетливой Кекси. Всех знакомых и клиентов она принимала при бледном слабом свете своей комнаты. Все засыхающие изюминки Кекси были обильно залачены, появляющиеся трещины максимально скрывались под толстым слоем сахарной пудры.

– Мой дорогой друг! Так рада видеть тебя! Иди сюда, обниму, – треснувшим голосом позвала Кекси, соблюдая установленный порядок. Батонни как можно аккуратнее обнял Кекси, боясь выйти отсюда в драг-макияже из пудры.

– Ты уже воспользовался моим баром? Бармен был учтив?

– Да, всё было хорошо.

– Перейдём к делу. Когда ты придёшь домой и загрузишь во Всемирном Противне его подгоревшую часть, Даркнет, у тебя будет заказ: превратить в замороженный хлеб сего-

дняшнее дело. У меня к тебе просьба: я заложу всё, что у меня есть, чтобы перебить ставку, – тут голос Кекси сорвался и зазвучал с нотками отчаяния, – найди этого подонка и накажи, как ты можешь. Доследственно. Я знаю, что ты не любишь, когда тебя называют продажным, но умоляю, пусть выиграет моя ставка!

– Ты знаешь: мне нужна ночь на подумать.

Кекси кивнула и махнула рукой, выгоняя его из комнаты.

Уже на улице Батонни позвонил на работу: узнать о результатах экспертизы.

– Офицер-р Батонни! – с раскатистой «р» поприветствовал его врач Багет. Батонни всегда предпочитал звонить Багету, так как при всей добродушности врача, общался тот живую часто высокомерно, глядя свысока на остальных.

– Тебе это точно будет интер-ресно! Вспомни, из какого теста была убитая, пшеничного или р-ржаного? Молчишь? Можешь не мучаться с ответом, они оба неправильные! Она – метис! Втор-рое – маньяк оставил себе частицу убитой: внутр-ри не хватает мякиша.

– Благодарю! – коротко ответил Батонни и отключился.

Дома он всю ночь крутился на мягком полотенце и не мог сомкнуть глаз. Уснуть ему удалось только после того, как в Даркнете он принял заказ на «досудебное доказательное разбирательство с маньяком», чтобы не разорить аукционом на эту заявку Кекси. Её ставка превышала ставку конкурента,

желающего замять дело, на один центаво.

– Доброго дня, офицер Батонни! – вечно позитивный напарник Рогалик уже встречал его со свежей кофейной припечкой. «Если даже Рогалик заметил, что утро у меня пошло по припёку, то видок у меня так себе», – отметил про себя Батонни, дома зеркала он не держал. Сколько бы ни говорили про шрамы, украшающие мужчину, он считал, что ему они точно не шли. Герой Войны с крысами, весь бок можно увешать медалями, но лично ему от этого не лучше.

– Ты вчера всё успел оформить, Рогалик?

– Так точно! Бумаги я сдал.

– Тогда нам пора заглянуть в пару мест. А может, и в три. Нужно установить личность погибшей по особым приметам. Предлагаю начать с родильных мест: микроволновка, духовка и мультиварка. Я уверен, что девочку запомнили. Как думаешь, сколько ей?

– Багет говорил про два-три месяца.

– Совсем малышка. Ну, чего стоишь? Бери в гараже мадагаскарских тараканов и поехали!

В архивах духовки именно Батонни повезло первым найти карту регистрации рождения убитой, и он скрыл это от напарника: не стоит Рогалика впутывать в это дело.

– Мультиварку проверим завтра, что-то мне подсказывает, что маньяк не проявится в ближайшие дни. Отдохни, – с этими словами Батонни отправил напарника домой, а сам

повернул в район-гетто Хлебницы.

– Эй, ты! Пшеничный! Райончиком не ошибся? – сразу при пересечении границы района приветствовал офицера кто-то из местных, ржанных. Наверное, тут у каждого можно найти незаконный кусок лезвия и у каждого руки по локоть в крошках. И сейчас он, Батонни, намерен войти просто в центр газовой конфорки на максимальном включении, фигурально. Он шёл к местному барону Злакопеченью. Достаточно было постучаться в определенную дверь, и тебя с мешком на голове, петляя по улицам, доставят лично к нему.

– Опеченить можно! Какого печеньего офицера к нам запеченило! Припеченивайся, говори.

Батонни, конечно, не считал себя расистом, но для него все печенья были из одной пачки.

– Передайте этот конверт барону, – полицейский протянул незапечатанный конверт Злакопеченью. Едва барон увидел фотографии из него, как тут же велел выйти всем, кроме двух своих братьев.

– Они всё знают. Опечениться можно! Моя печенюшечка! – барон разрядил пачку лезвий в стену. – Зачем ты припеченился с этим ко мне?

Во время своей работы Батонни видел тысячи отчаянных родителей и понимал, что сейчас Злакопеченью не играет. Он реально сломан вдоль и поперёк вестью о смерти дочери.

– Меня припеченили бы на подходе к Хлебницам, чтобы я не осквернял эту землю своим существованием за связь с

её матью. Ржаное печенье и пшеничная плюшка – к этому наш мир ещё не готов. У нас получилось три замечательных дочери, которым пришлось несладко. Мне повезло, что родители пышки оказались прогрессивными и не выгнали её с позором из дома, не заставили сбросить до рождения наше общее тесто. Всё, что я делал с тех пор, – только для них! Печенье!

Барона трясло, его братья встревоженно переглядывались.

– Не люблю быть вестником печали. Можно узнать про остальных Ваших дочерей? Вдруг им тоже грозит опасность.

Злакопеченье достал фотоальбом. Все фотографии показывали счастливое семейство.

– Старшие Ваши дочери замужем?

– Да, обе, – подтвердил Злакопеченье. – Була – моя младшенькая.

– Мы знакомы с вами не первый месяц, барон. В Даркнете кто-то пытался купить закрытие этого дела. Я не пытаюсь перекупить ставку, просто предупреждаю, что есть желающие заморозить дело. Я понимаю значимость и постараюсь избежать огласки. У меня есть пара дней.

– Брат, дай ему телефон. Звонок с него нельзя отследить, вы сможете звонить и писать мне, если потребуется помощь.

Батонни брёл по тихим улочкам домой. Дело не становилось легче. Внезапно зазвонил штатный телефон.

– Перекрёсток Третьего плитнуса и Второй паркетной ёлочки! Срочно, Рогалик ранен.

Батонни похолодел. Ранение напарника в двух кварталах от Хлебниц? Совпадение?

– Не буду скрывать, он плох. Порез очень глубокий, и Рогалик чудом остался целым. Состояние критическое, я должен присутствовать на вашем разговоре как лечащий врач. У него отдельная коробка в больнице, сразу нашли крем нужной группы для переливания, но это лишь спасло от смерти, но не отпугнуло её насовсем. Эта ночь будет решающей, и ещё раз прошу: – не утомляйте пациента!

Батонни согласно кивал. Доктор Буханка выглядел так, что сразу хотелось ему верить и довериться. Респектабельный, громадный, кирпичеобразный, с замасленными блестящими боками.

– О, напарник! – Рогалик пытался привстать, протягивая руку, но получилось слабо. Глубокий порез на теле говорил сам за себя. Едва увидев Батонни, Рогалик затараторил:

– Инициатива наказуема, я прочувствовал это на собственной корочке. Решил провести опрос населения и сверкал значком в не самом открытом месте. Ну, шрамы украшают мужчину.

Батонни передёрнуло от этой фразы, но он постарался максимально остаться нейтральным. Напарник наверняка гордится первым ранением.

– Ты выполнял свой долг, дружище! Сможешь опознать нападавшего? Из какой он муки? Какой формы?

– Ох, повернуть бы пять часов назад! Я даже не буду притворяться: всё произошло слишком быстро. Я даже контур не заметил, как лезвие полоснуло меня, просто свалился, ещё чуть-чуть, и лишился бы половины себя. И жизни.

– Предлагаю больше не тревожить мистера Рогалика и дать ему больше возможности восстановиться.

– Да-да, доктор Буханка. Спасибо Вам за его спасение.

В управлении Батонни оказался быстро. На время больницы у напарника в помощь ему выделили Сдобыча. Оставались последние сутки, чтобы раскрыть дело, потом информация окажется у журналистов.

– Привет. Я тут отработал контакты убитой. Отец неизвестен, воспитывалась мамой и её родителями, был хороший вариант с её парнем, но у него алиби.

– Спасибо, Сдобыч.

Мякиш в голове Батонни закрипел. Нутром он понимал, что все ингредиенты для раскрытия дела у него в руках, но рецепт пока неочевиден. Из фактов: смешанное происхождение Булочки, отец скрывается, но семью поддерживает. Мотива нет. Её возлюбленный: приличная семья, уважаемые инженеры, родители со студенческой скамьи вместе. Ого! Это та самая первая группа студентов, которые смогли отстоять право ржаных на равное образование с пшеничными.

Понятно, это сближает. Рогалик: он слишком приблизился к убийце, и тот запаниковал, но не смог убить, хотя с Булочкой всё прошло аккуратнее. Значит, убитая доверяла маньяку – это сужает круг подозреваемых. Смущает, что Рогалик так же, как и Булочка, попал под нож, а не под лезвие. Жаль, что Рогалик так никого и не заметил. Алиби парня Булочки: находился в больнице с множественными порезами. Судя по фото порезов, хотели просто припугнуть. Батонни ещё раз пробежался по информации и парне, сделал несколько вычислений и, закрыв все файлы на ключ в ящик стола, поспешил в бар.

Кокетливая Кекси сегодня была в праздничной посыпке. Она искренне удивилась приходу Батонни.

– Прости, дорогой, но сегодня бар закрыт на семейное торжество.

– Десять минут! И лучше поговорить наедине.

Кекси кивнула, дала последние распоряжения бармену и официанту и поднялась вместе с офицером.

Кекси расположилась в любимой корзиночке и предложила Батонни сесть в формочку. Та была маловата, но и долго задерживаться здесь полицейский не планировал.

– Я вначале хотел задать тебе несколько вопросов, но, видимо, тряска на тараканах-такси расставила всё по местам в моей голове. Ты родилась в Хлебницах? Никогда бы не подумал из-за всей этой косметики и сахарной пудры.

– Да, в Хлебницах. И я ржаная до самой сердцевины.

– У тебя есть дети. Ты рискнула открыть бар, несмотря на все опасности, ради них?

– Да, но не бандиты и рэкет были страшными. Страшно было отпускать их в университет. Ржаной инженер! Но я хотела лучшей доли детям, а эти постоянные расистские выпады. Меня внутри замораживало каждый раз, когда они выходили на улицу.

– А сегодня ты празднуешь возвращение внука из больницы?

– Действительно, у тебя только ответы.

– На него напали расисты и вырезали «х» с перекладиной на теле.

– Это стилизованная отметина «р» – «ржаной» от Бел-Хлеб-Клана. Потому дело и забуксовало. Оно же одно из многих. Обычно нам отвечают: «Живой? Забирайте и не мешайте работать».

– Тогда я готов. Один вопрос и одна просьба. Булочка была беременна от твоего внука? Потому ты хочешь наказать убийцу?

– Да, они месили тесто вместе и светились от счастья, что у них будет ребёнок. Я считаю, что на внука и Булочку напал один и тот же хлеб.

– Просьба. Мы сейчас выйдем, и ты оставишь в комнате телефон, и не уснёшь, пока к тебе в бар не придёт печенье с телефоном. Принято?

– Я была полна решимости, когда просила тебя наказать маньяка, а сейчас мне страшно, – Кекси нервно теребила салфетку в руках.

– И правильно. Пойдём уже, пора семью встречать.

Кокетливая Кекси послушно последовала за Батонни. Весь вечер она провела с семьёй и потому не знала, что с неопределяемого номера от Даркнета ей пришло уведомление «Заказчик продолжил аукцион. Ваша ставка проиграла. Дело будет заморожено».

***

Даркнет – вещь, конечно, эфемерная, как пар от горячей булочки, но есть место, где не усомниться в реальности чёрной сети – в одном из ящиков Буфета. Клиент и исполнитель разделены прочной перегородкой и не видят друг друга, каждого проверили на наличие оружия, отравляющих газов, жучков и тараканов. Можно сказать, что именно на этой комнате и базировалось доверие ко всей системе.

Батонни зашёл в свою половину ящика и стал ждать клиента. Была пара минут на размышление. Впервые он засомневался в своём шаге. Правильно ли он понял слова напарника про «работал профессионал» и «повернись на пять часов». Да, он сказал именно, хотя и искажил фразу, потому что нападавший на него стоял в той же комнате, если бы Батонни тогда повернулся, как часовая стрелка, то он встретился бы

взглядом с... Тень пробежалась по стене, клиент зашёл и сел во вторую отгороженную часть комнаты.

– Мне нужны гарантии, что дело зависнет, как замороженное брокколи в морозильнике. Деньги со мной.

– А мне нужен ответ на один вопрос, доктор Буханка. Зачем Вы убили свою правнучку? Неужели из-за того, что она была беременна от ржаного кекса?

– Я мог потерпеть, что мои внучки родились из смешанной муки: метисы красивые и умные, но правнук лишь на четверть будет пшеничный? Выше моих сил. Я сказал кексу держаться подальше, а он прокричал, что не смогу их различить, у них будет общий ребёнок! Не будет. Я развеял их общее тесто по ветру. – Но акушерство – не ваша специализация и Булочка не оправилась и засохла там же, на улице.

– Грязь к грязи.

– Какое же ты чудовище.

– Искромсанный батон! Не тебе учить меня жизни! Я так понимаю, меня опознал Рогалик. Я выйду, и он не переживёт эту ночь.

– Если. Доктор, если ты выйдешь. А сейчас – я оставлю тебя с хозяином Даркнета.

Батонни спешил быстрее выпрыгнуть из этого ящика, чтобы не быть даже невольным свидетелем.

– Хрум-привет, тесь. Опечениться можно! Ребята! Полтора литра воды сюда, что останется – слить в раковину.

***

Этот вечер завершился еще тремя событиями.

В благотворительный фонд борьбы за равноправие поступило громадное пожертвование, сравнимое с годовой зарплатой какого-нибудь главного врача.

Кокетливая Кекси получила от Злакопеченья телефон с видео. После просмотра телефон был разбит на мелкие детали, а Кекси весь вечер усердно молилась всепрощающему и милостивому Пекарю.

На телефон Батонни пришло короткое сообщение: «Срочно ждём в управлении полиции. Возникли вопросы по Рога-лику».